

*"Профессор, снимите очки-велосипед!
Я сам расскажу о времени и о себе"*
Владимир Маяковский

"Я К ВАМ ПРИДУ в коммунистическое далёко", — обещал Владимир Маяковский, и даже хорошо, что не смог прийти, — поэт не обнаружил бы ничего из того, о чём грезилося. Сплошные персонажи его сатиры. "Клоп" и "Баня" — тема несовершенств как личных, так и общественных, от которых страдал Маяковский, и мотив прорыва в идеальную и наивно скроенную коммунистическую вселенную. Фосфорические женщины и отсутствие филлистеров, тотальная стерильность и светлый путь.

В этом году Маяковскому исполняется 130 лет. Коммунизма не случилось. От социализма тоже отказались. Мещан стало больше, и они — крепкозаядая опора гламур-цивилизации, занятой менеджментом и унылым блогингом. Разве что техника шагнула вперёд, и руки стали мыть куда как чаще, нежели сто лет назад. Тупики мироздания! Однако Маяковского не забыли: он по-прежнему будоражит, а значит, не всё потеряно.

Итак, в Государственном литературном музее сейчас проходит уникальная выставка "О разных Маяковских". Цель — явить многочисленные грани этого бриллианта. Кто он? Футурист и футуролог, поэт и гражданин, пароход и человек. Хотя, нет, пароход и человек — товарищ Нетте, друг Маяковского. Он все были пароходами, паровозами и радиопаролами эпохи. Многие брали себе говорящие псевдонимы:

явление маяковского

О выставке в Государственном литературном музее

Горький, Багрицкий, Бедный, Гайдар — "всадник, скачущий впереди". Печатались статьи за подписями Зубило, Молот, ещё какой-нибудь Шкальный. Интересно, что Маяковскому не надо было ничего выдумывать — он и так был маяком. Привлекал, светил и одиноко высился над морем смыслов.

Ещё? Он хулиган и возмутитель спокойствия. В позднем СССР из Маяковского сварили какого-то бронзового идола, невыносимо скучного, изрекавшего агитки. Паспорт, Ленин, партия, революция... А ведь он писал о себе: "Я — нахал, для которого высшее удовольствие валивались, напивлив жёлтую кофту, в сборище людей, благодарно берегущих подчинными сюртуками, фраками и пиджаками скромность и приличия". Эти слова предваряют экспозицию в Литмузее. Не затверженные цитаты, а такое вот самоопределение.

Моя юность 80-х прошла под знаком "неформальности", а Маяковский и был типичным неформалом, причём гораздо более радикальным, чем панки-металлисты и дубасящие их "любера". Он не выделялся — он переделывал, громи и низвергал. О, если бы школьники изучали неприглаженные биографии классиков, число заядлых книгочеев заметно увеличилось бы!

ЭКСПОЗИЦИЯ выстроена таким образом, что нам показывают не этапы жизненного пути (родился-учился-влюбился-писал-застрепился), а все "лица" Маяковского. Бросается в глаза его эгоцентричность: бесконечное "я" в стихах и желание доминировать на групповых фото. "Эй, вы! Небо! Снимите шляпу! Я иду!", — таков был он. И ещё извечный разговор с Солнцем, которое запросто на чай вкатилось. Среди экспонатов — первый сборник поэта "Я!", оформленный Василием Чекрыгиным. С одной стороны, самолюбование через эпатаж. С другой стороны, мы видим раннего и доброго человека, ассоциировавшего себя с обездоленной собакой по кличке Щен.

Если бы не поэзия, маяк-Маяковский стал бы знакомым художником. Рисовал с детства, умел схватывать суть предмета. Был принят в Московское училище живописи, ваяния и зодчества — туда брали без справки о благонадёжности, а у юного Володи с ней (с благонадёжностью) обстояло скверно. Успевал неплохо, но и там не задержался — выгнали вместе с Давидом Бурлюком за антиправительственные эскизды и отвратительный моральный облик. На стенде — фотографии юного Маяковского в блузе с бантом. Взгляд напуганного волчка, желающего люто вцепиться в жирные ляжки обывателей.

Футуристы — это не только жёлтые блузы и жёсткая буза, но и попытки переиначить бытие, вывернуть его наизунок. На одной из выставочных витрин — тот самый сборник "Почёчина общественному вкусу", где было внятно сказано: "Прошлое тесно". Нюанс! Те разрушители основ имели образовательно-интеллектуальную базу, пусть и будучи изгнанными недоучками.

Любой текст Маяковского, будь то стихи, пьесы или статьи, говорит о том, что перед нами — знаток искусств и носитель обширных знаний. Вот карандашные портреты любимых женщин, карикатуры, декорации к постановкам. Техника отточена; рука поставлена профессионалами. Мог писать реалистические картины, но, разумеется, питал склонность к эксперименту. Его эскизы к "Мистерии-буфф" — отдельная часть выставочного проекта. Это экспрессия, цветность, могучая динамика и полёт, но вместе с тем — глубокая ирония.

Маяковский называл себя агитатором не просто так. Его карикатуры для "Окон РОСТА" — доходчивые комиксы для всех, для образованных и малоработных. Люди восхищались звонкой сатирой, построенной не только на смешных "буржуях" и уродливой "контре", но также на игре слов и ритме картинок. В экспозиции "Окнам РОСТА" отведена целая стена, привлекающая детей и взрослых.

Избалованный, прославленный поэт-художник, он не гнушался такой приземлённой стезей, как реклама. Первая треть XX столетия — золотой час маркетинга, когда сложились традиции этого нелёгкого ремесла, двигающего товар к массам. В 1920-х годах было важно сделать государственный и кооперативный сектор привлекательным, чем нэпманский, частный. Отсюда внимание к упаковке, плакату, зазыву и призыву. Так родились "Нигде, кроме как в Моссельпроме!" и вариации на тему папирос "Ира". Владимир Маяковский изобретал слоганы к постерам Александра Родченко и выдумывал композиционные решения.

явление маяковского

О выставке в Государственном литературном музее

Маяковский — теоретик поэтического искусства, и на одном из стендов есть его брошюра "Как делать стихи?" Возникает закономерный вопрос: для чего нужен столь жёсткий глагол в отношении муз и рифм? Такое мнение бытовало в 1920-х — всё приравнялось к вещам и предметным формам. Друг Маяковского, супрематист Эль Лисицкий, восклицал: "Делайте вещи!" — в приложении к творчеству. Мол, фантазия, вдохновение — блажь. Делание — цель. Стихи тоже производятся, как еда, мебель и одежда.

Посмотрите, какими словами оперирует Маяковский: "Начинающий ни при каких способностях не напишет сразу крепкой вещи; с другой стороны, первая работа всегда "свежее", так как в неё вошли заготовки всей предыдущей жизни. Только присутствие тщательно обдуманных заготовок даёт мне возможность спеться с вещью, так как норма моей выработки при настоящей работе это 6—10 строк в день. Поэт каждую встречу, каждую вывеску, каждое событие при всех условиях расценивает только как материал для словесного оформления". Вещь, работа, заготовка, норма выработки, материал.

Из советов: носить с собой записные книжки. Их несколько штук на выставке, все идеально-го качества, дорогие, неплохо сохранившиеся. Представлены и образцы почерка из черновиков и писем. Чёткость линий поражает, даже если речь идёт о спешных каракулях на полях. При всей своей разухабистости Маяковский был акуратистом.

ОЧЕРЕДНАЯ ГРАНЫ! Маяковский — создатель и участник кинокартин. Синемаграф 1910-х-1920-х был передовым методом и, как сказал товарищ Ленин, "важнейшим из искусств". На выставке можно ознакомиться с известной лентой "Барышня и хулиган" (1918), где поэт сыграл отвязного парня из рабочего квартала, который оказался пленён учительницей. Однако есть и другие опыты, например, "Не для денег родившийся" (1918) по мотивам романа "Мартин Иден" и "Закованная фильмой" (1918), где Маяковский снялся с Лилей Брик. Немаловажная деталь — в те времена "фильм" именовался "фильмой" и был женского рода.

Будучи настоящим красавцем, наш поэт был ещё и фотомоделлю. Среди экспонатов — изображения Маяковского, сделанные ведущими мастерами, включая Александра Родченко. Как бы ни пытался "агитатор-горлан-главарь" утверждать, что "кроме свежеевытой сорочки" ему ничего не надо, это была эффектная поза. Маяковский слыл франтом, о чём повествуют его галстуки, привезённые из-за границы. Рядом — ручка "Паркер", также символизирующая достаток. Безусловно, не куркулы и не накопители, скорее, фат. Предпочитал шикарные жести, а это всегда стоило денег.

Маяковский — это, конечно же, герой-любовник, обвораживающий словесами, поэзией, роскошной внешностью. В этом смысле ему повезло больше, чем его кумиру — Пушкину. На экспозиционных витринах — фотографии Лили

Брик, страшненькой и завораживающей. Эта пожирательница мужских сердец была причиной боли и одновременно музой-вдохновительницей. Рядом с фото — раритетные кольца-печатки, заказанные Маяковским и Брик, словно обручальные украшения, так и не скрепившие союз. Здесь же набросок портрета Лили, сделанного Маяковским.

Маяковский не был аскетом-рыцарем, навек прикованным к своей Belle Femme. Женщины бегали за ним бодрой стайкой, а его любовная лирика — на грани фола: "В раздетом бесстыдстве, в боющейся дрожи ли, но дай твоих губ неисцелую прелесть". Это строки, обращённые к Марии Денисовой, адресату "Облака в штанах".

Вот её фото 1910-х — настоящая женщина-фатум на излёте Серебряного века! — и несколько портретов, один из которых нарисован самим поэтом. Денисова прожила интереснейшую жизнь: крестьянского роду-племени, она выучилась искусством и вошла в декадентский бомонд, потом служила в агитотделе Первой конной; при Сталине была скульптором и работала над портретами вождей, а в 1944 году покончила с собой, так как была неизлечимо больна. Да, но Мария Денисова осталась в коллективной биографии лишь как муза "Облака..." и одна из любовниц Маяковского. Историческая память часто несправедлива.

"Я всё равно тебя когда-нибудь возьму — одну или вдвоём с Парижем", — так писал он Татьяне Яковлевой, эмигрантке, с которой познакомился в заграничном турне. Высокая, плечистая и длинноногая, она воплощала типаж салонной богини стиля ар-деко. Фотографии мадемуазель Яковлевой также есть на выставке. Она околдовывала современной, жёсткой красотой, востребованной в модельном бизнесе, где ей приходилось подвизаться, как и большинству русских "принцесс", бежавших от революции. Но могли они сравниться с глазастой Лилечкой? Увы, нет. Любовь зла — полюбишь и мадам Брик.

ЕЩЁ ОДНА СТРАНИЧКА — Маяковский-путешественник. Америка, та скорее ошеломляла, чем порадовала: "Свет фонарей для света, свет бегущих лампочками реклам, свет зарев витрин и окон никогда не закрывающихся магазинов, свет ламп, освещающих

огромные малёванные плакаты, свет, вырывающийся из открывающихся дверей кино и театров, несущийся свет авто и элеваторов, мелькающий под ногами в стеклянных окнах тротуаров свет подземных поездов, свет рекламных надписей в небе. Свет, свет и свет!". Электрическая феерия — это первое, что видел любой европеец в Соединённых Штатах, ибо Старый Свет ещё робко осваивал потенцию грозной силы — электричества.

Франция показала себя во всём блеске и всей убогости. Париж произвёл двойственное впечатление: удивил размахом и вызвал отвращение. Увидеть Париж и?.. "Обшаркан миллионом ног. / Исшелестен тыщей шин. / Я борозжу Париж — до жути одинок". Поэта заинтриговал Версаль — это гнездовище монархии. Нашлось место и для насмешки: "По этой дорожке, спеша во дворец, бесчисленные Людовики трясли в шелках золочёных каретк телёс десятипудовики". Фото Маяковского на фоне достопримечательностей — сиротливый путник.

Но Маяковский и в Москве ощущал себя непонятым. Из всех записок, присылаемых ему на диспутах, он "выбирал" ругательно-склонные, сосредотачиваясь на критике, и страдал. На одном из стендов читаем издательские вопросы, какие задавались великому плашта-то революции. Некоторые из них чем-то напоминают комментарии в блогах, так что дураки появились не сейчас, но и всегда представляли весомый процент населения.

Тайна самоубийства Маяковского, по сути, не разгадана до сих пор. Одни говорят: в советском пути разочаровались. Другие: дамы заели. Третьи вообще утверждают, что его "чекисты" убили, так как мешал. Четвёртые (а с ними я соглашусь) полагают, что Маяк страдал в тенётах творческого кризиса и не мог из него вырваться. Люди Серебряного века считали своим долгом намылить верёвку, принять яд или нажать на курок, если что-то пошло не так, а Маяковский был плоть от плоти своего времени. Опять же, над ним довлела тема "ранней гибели гения", и поэт словно бы подгадал свой уход, чтобы не пережить собрата Пушкина. Маяковского хоронили не горстка соратников, но ревущая толпа — это к вопросу о "непонятности". Да и теперь он — это маяк, и никак иначе.

Галина ИВАНКИНА

Тряпкин

Поэт самобытного слова

Мы продолжаем презентацию проекта "Светочи", размещённого на сайте zavtra.ru. Проект посвящён выдающимся деятелям отечественной науки, искусства и культуры, связанным с газетой "Завтра".

ИЗВЕСТНОЕ ДЕЛО: поэтов должно судить и ценить по лучшим их стихам, по умению-дару выразить то, что иначе, на другом языке или другими словами оказывается невыразимым, но что, будучи однажды сказано, всегда принимается, усваивается, передаётся дальше народом, а порою — и всем человечеством, как будто пробудая, оживляя в людях до того спящие, скрытые мысли, образы, чувства, даруя всем и каждому узнавание себя, мира, себя в мире и мира в себе.

Но если так, то суждениям и оценкам творчества Николая Ивановича Тряпкина (19 декабря 1918 — 20 февраля 1999) свой черёд ещё не пришёл. И предсказание Юрия Кузнецова: "В XXI веке значение самобытного слова Николая Тряпкина будет только возрастать", — пока может восприниматься не более чем принятая в поэтических кругах, а вне таковых не имеющая особого смысла похвала своему другу. Но...

Когда в ноябрьском номере журнала "Октябрь" за 1946 год появились два стихотворения Николая Тряпкина, эта публикация не была воспринята как некое значимое литературное событие, хотя 28-летнего автора пригласили на первое Всесоюзное совещание молодых писателей в марте 1947 года, где поспорили о "клюевщине" и "есенинщине" в его творчестве, после чего признали пусть и начинающим, но всё же "певцом советской колхозной деревни" — другой-то уже не было.

*Здесь прадед Святогор в скрижалях не стареет,
Зато и сам Христос не спорит с новизной.
И на лепных печах, ровесницах Кашей,
Колхозный календарь читает Домовой...*

*Ты же дуй и колдуй, ветер северный,
По Руси по великой, по северной
Поплывём Лукоморьями пьяными
Да гульнём островами Буянами...*

Это из стихов 1946 года, "Пижма" и "Сказ". Сегодня, оглядываясь назад, можно сказать, что Тряпкин тех послевоенных времён был — скорее всего, сам ещё того не созная, — поэтическим предвестником "деревенской прозы" 1960-х годов, отразившей не столько внешний разлом между городом и деревней, сколько внутренний — и пытался этот разлом-перелом заживить вечным и вечно новым русским словом. Так и пошло...

"Русь ты моя глобальная!..", — написал поэт ещё в 1978 году, задолго до того, как слово "глобальная" стало в ходу у отечественных философов с политикими. Но где-то же оно было им услышано и, главное, усвоено? Причём эта "Русь глобальная" представляла в тряпкинских стихах в образе приполярной, аэрокосмической, со всех сторон окружённой недружественными для себя пространствами и силами, всегда начеку и готовой к бою державой. Такой, какой она никогда ещё не была и, может быть, становится только сейчас...

Вообще, происходящее внутри поэта таинство обретения слов и их смыслов — процесс необъяснимый и непредсказуемый. Но и неотвратимый. Николай Тряпкин даже не пытался им управлять, зато по жизни и по стихам своим всегда слегка скороморшничал, породствовал, "валял ваньку", вернее даже — Ивану-дурака, главного героя русских сказок. Стихов своих публично, на людях, не читал, а выпевал их вследствие сильного заикания.

Многие стихи Тряпкина могут казаться сшитыми-сплеленными кое-как, на скорую руку, без внешнего блеска, но это волновая поэзия, поскольку поэт не пытался ни себя, ни своих читателей "тянуть за волосы" к какому-то целым какими-то самыми верными и краткими путями. Всё своё — он и так своё. Было, есть и, главное, будет ко времени.

*Летела газара,
Крычала газара,
Махала крылом...*

О чём эти строки 1955 года? Да вроде бы даже и ни о чём. А по сути — о главном. Что вот ты живёшь, что у тебя есть возможность видеть и слышать, всем существом своим ощущать красоту этого мира, что тебя ждёт твоя жизнь. И это — счастье. Не придуманное, не вымысленное — истинное!

Но за очевидной, бесспорной, даже нарочитой простотой своей щедрой, безобидной, "крестьянской" души Николай Тряпкин был далеко не прост. "И что вечность сама возжигла огни предо мной!..", — сразу даже не скажешь, кто из русских поэтов рискнул бы настолько себя возвысить, пусть в описании мимолётного личного то ли чувства, то ли представления.

Потому неудивительно, что к концу жизни поэту, который, по мнению того же Юрия Кузнецова, был "последним русским поэтом" и в чьём творчестве "проступает народный лик", довелось — вместе со всем своим народом — перенести самые суровые испытания: и личные, и творческие.

"Перестроечное" разрушение Советского Союза было воспринято Николаем Тряпкиным как нечто невозможное, недопложное, недопустимое, и он не только вошёл в редколлегия газеты "День", но в творчестве своём обрушился на всех, кто осуществлял это разрушение и способствовал ему, невзирая на лица, вплоть до самых родных и близких. Парадоксальное награждение Николая Тряпкина Государственной премией России в области литературы и искусства 1992 года (указом Б.Н. Ельцина — за книгу стихотворений "Разговор по душам") здесь ничего не изменило, даже напротив — похоже, добавил поэту скрываемой до-толе ярости, которой напористо, например, посвящённое Александру Проханову стихотворение "Послание другу".

*Не спят в руках верёвки и ремень,
А ноги жмут на доски аромовые.
Гудит в набат твой бесподобный "День",
И я твержу: "Жива ещё Россия!"*

Уже после "чёрного октября" 1993-го 75-летний Николай Тряпкин написал свою "Вербную песню", одновременно молитву в будущее и покаяние за прошлое:

*За великий Советский Союз!
За святейшее братство людское!
О Господи! Всеблагод Иисус!
Воскреси наше счастье земное...*

*Не держи Ты всевышнего зла
За срамные мои вазилоны, —
Что срываю я Твои купола,
Что кромсал я святые иконы!*

*Огради! Упаси! Защити!
Подними из кровавых узилищ!
Что за гной в моей старой кости,
Что за сирад от бесовских блудилищ!*

*О Господь! Всеблагод Иисус!
Воскреси моё счастье земное.
Подними Ты мой красивый Союз
До Креста Своего аналога.*

Остаётся надеяться, что покаяние поэта — по вере, делам и страданиям его — там, наверху, было принято, а моления — услышаны.

Владимир ВИННИКОВ

ВО ИМЯ РОССИИ

НА ФРОНТАХ СВО, где ныне в кровавых муках рождается Новая Россия, гибнут не только профессиональные военные и мобилизованные, но и добровольцы. Часто гражданские, очень мирные, очень светлые люди, чья предыдущая жизнь никакого отношения к ратному ремеслу не имела. Один из таких — Юрий Викторович Земцов, тульский иконописец, историк, кандидат философских наук (работа на соискание кандидатской степени называлась "Этика исихазма в древнерусской иконописи", научный руководитель Ю.М. Бородай). Всю жизнь Юрий Викторович занимался очень благородным делом: учил людей Добру (преподавал историю Отечества и историю Русского Православия) и помогал людям искать свой путь к этому Добру — писал иконы. Разве придумало человечество за всё время своего существования более правильные и полезные занятия?

Самое время напомнить, что иконы его кисти (многие из них выполнены в соавторстве с супругой Надеждой) украсили и всегда будут украшать многие православные храмы Москвы, Тулы, Тульской, Калужской и Ярославской областей. Когда началась Специальная военная операция, Юрий Викторович Земцов отдал на передовую икону Божьей Матери, написал для одного из действующих в зоне боевого соприкосновения подразделения образ Спаса Нерукотворного (на алом фоне — цвете Мученичества и Победы).

Юрию Викторовичу Земцову было 47 лет. Остались трое детей, жена — коллега по иконописному цеху, воспитавшая его мать — потомственная тульская орудийница. Именно в одном из последних адресованных ей сообщений с фронта он писал: "Мама! Моя цель — вернуться живым! И до конца дней своих быть хорошим семьянином, т. е. сыном, отцом, мужем. Заботиться о своих близких и делать своё дело! А о теперешней ситуации можно сказать словами святого адмирала Ушакова: не смущайтесь, си бири приведут к величию России!"

Ради величия России и положил Юрий Викторович Земцов свою жизнь. Вполне к месту вспомнить, что на "войну" его никто не мобилизовывал, не агитировал, не направлял. Ушёл добровольцем! Участвовать в СВО реальным делом он считал своим гражданским и человеческим долгом. Его с честью и выполнил! Сохраним о нём в своих сердцах светлую память!

Борис ЗЕМЦОВ

РУССКОЕ патриотическое движение — это не экзотическая секта, не закрытый политический клуб. Это широкое общественное течение возникло в годы краха государства, в период умирания и унижения всего русского, родного, национального. Оно несёт в себе фундаментальные основы русской культуры, исповедует ценности России вечной.

То там, то здесь возникают яркие вспышки: взлёты русского духа, озарения творческого русского ума. Зёрнами патриотизма засеяна вся русская земля, и нельзя предугадать, где взойдёт очередной благодатный колос.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Главному литературно-историческому журналу Краснодарского края — 25 лет

Неведомо, где именно произойдёт духовный взлёт, в какой точке страны зазвучит в полный голос русская песнь; какая фигура или группа поднимет знамя русского возрождения. Ясно лишь то, что новое слово родится не на пустыре. Оно зазвучит в живой, плотной, полнокровной среде. Безусловно, одной из таких сред является группа писателей, историков и журналистов, собравшихся вокруг журнала

теля и педагога Виктора Лихоносова. Восхищаемся сокровенной глубиной таинственного гения из Кореновска — поэта Николая Зиновьева. Рукоплещем неукротимой энергии и многим талантам Юрия Павлова — критика, публициста, главного редактора журнала "Родная Кубань".

Знаем, что это издание имеет всероссийский масштаб, стяжает русский дух, публикует тексты писателей Станислава Куняева, Юрия Полякова, Юрия Козлова, Веры Галактионовой, привлекает критика Лидию Сычёву.

"Родная Кубань" — маяк русского духа не только для Северного Кавказа, но и для всей Большой России.

Родные кубанцы, от души поздравляем вас!

Александр ПРОХАНОВ
и весь братский коллектив
газеты "Завтра"

С М О Т Р И Т Е Л Е К А Н А Л «Д Е Н Ъ»

